

МИГРАЦИЯ В РОССИИ

2000 – 2012

в трех томах

I ЧАСТЬ 1

УДК 325(470+571)(01)

ББК 60.73(2)6я1

М57

**Миграция в России
2000–2012
Хрестоматия в 3 томах**

Российский совет по международным делам

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов** (председатель);

докт. ист. наук, акад. РАН **В.Г. Барановский**;

докт. ист. наук, акад. РАН **А.М. Васильев**;

докт. экон. наук, акад. РАН **А.А. Дынкин**;

докт. экон. наук **В.Л. Иноземцев**;

канд. ист. наук **А.В. Картунов**;

докт. экон. наук **В.А. Мау**;

докт. ист. наук, член-корр. РАН **В.В. Наумкин**;

докт. ист. наук, акад. РАН **С.М. Рогов**;

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев** (ученый секретарь)

Ответственный редактор:

канд. геогр. наук **Ж.А. Зайончковская**

Составители:

канд. геогр. наук **Н.В. Мкртчян**;

канд. геогр. наук **Е.В. Тюрюканова**

Научно-техническая редакция:

канд. полит. наук **Е.С. Чимириш**;

канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**;

канд. полит. наук **Н.С. Евтихевич**

Хрестоматия объединяет статьи и выдержки из книг российских и ряда зарубежных исследователей миграции за период 2000 – 2012 гг. В томе 1 рассматриваются актуальные вопросы миграции и текущие тенденции миграционных процессов, которые сложились в рамках первого десятилетия XXI века. Каждый раздел предваряет статья ведущего исследователя. Хрестоматия предназначена для студентов, ученых, экспертов, журналистов и государственных служащих, занимающихся вопросами миграции.

Российский совет по международным делам не несет ответственности за содержание включенных в хрестоматию работ, достоверность использованных в них материалов, а также предлагаемые авторами выводы, обобщения, прогнозы, сценарии и т.п. Высказанные в хрестоматии мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Выпуск хрестоматии инициирован
Российским советом по международным делам

М57 Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1. Ч. 1 / НП РСМД; под общ. ред. И.С. Иванова.
Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. – М.: Спецкнига, 2013. – 880 с. – ISBN 978-5-91891-075-7.

© НП РСМД, 2013

Оглавление

Предисловие	6
Введение в проблематику: официальная позиция	8
Путин В. Россия: национальный вопрос	8
Миграционная ситуация в России	16
Зайончковская Ж. Вводная статья. Миграция в современной России	16
Ромодановский К. Проблема не в том, что их (мигрантов) много, а в том, что нас (россиян) мало	33
Кузьминов Я. И все-таки зачем России мигранты?	37
Вишневский А. Альтернативы миграционной стратегии	40
Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. Иммиграция: путь к спасению или Троянский конь?	50
Мкртчян Н. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее	78
Миграция и демография	97
Вишневский А. Вводная статья. Новая роль миграции в демографическом развитии России	97
Вишневский А. Демографическое будущее России	110
Вишневский А. Величие государства – «не в обширности тщетной без обитателей...»	120
Архангельский В. и др. Стратегия и направления выхода России из демографического кризиса	126
Переведенцев В. Демографические перспективы России	148
Миграция и миграционная политика	160
Карачурина Л., Мкртчян Н. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002)	174
Топилин А. Миграция и межнациональные семьи	186
Миграция в эпоху глобализации	193
Цапенко И. Вводная статья. Глобальные последствия миграции	193
Вишневский А. Может ли Юг двинуться на Север?	206
Цапенко И. Движущие силы международной миграции населения	213
Ионцев В., Прохорова Ю. Глобальные перспективы международной миграции и брачности: возможен ли четвертый демографический переход?	227

МИГРАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

А. Вишневский

Вводная статья

Новая роль миграции в демографическом развитии России

1

Миграция – социально-демографический процесс, выполнявший на протяжении всей человеческой истории важнейшие социальные, экономические, политические, культурные функции. Но при этом она всегда оставалась одним из трех фундаментальных демографических механизмов, формирующих – наряду с воспроизводством населения – численность и возрастной состав населения и обеспечивающих поддержание демографического баланса в пределах тех или иных территориальных единиц самого разного уровня – от небольших сельских поселений до огромных мегаполисов, целых стран и даже континентов.

В XX в. Россия стала ареной огромных внутренних миграций, обусловленных ее индустриализацией и урбанизацией. Внутренние миграции были характерны для России и в прошлом. Однако настоящая статья посвящена внешним миграциям, значение которых для России всегда было гораздо меньшим.

В истории России бывали периоды, когда она пополняла свое население за счет иммигрантов. Так, еще в XVIII в. быстрое расширение территории России привело к тому, что «истощился... колонизационный материал – малорусский и великорусский», и правительство «обратилось к заграничному переселенческому материалу» – именно тогда, в ответ на манифест Екатерины II, приглашавшей иностранных колонистов, появились немцы в Поволжье. Позднее немцы, сербы, болгары, молдаване, гагаузы, греки, армяне принимали участие в освоении Новороссии и тоже влились в население России. Знала Россия и всплески эмиграции, например, во время революции и гражданской войны. Но в целом численность россиян обычно мало зависела от внешних миграционных потоков.

В советское время для России как части СССР долгое время были характерны, скорее, центробежные, нежели центростремительные миграционные потоки, она отдавала свое население, которое переселялось в другие союзные республики СССР, что не препятствовало и росту населения, собственно, России. Если говорить о более близком к нам времени, то имеющаяся статистика свидетельствует, что в течение 20 лет – с 1955 по 1975 гг. – положительный естественный прирост населения России сочетался с миграционной убылью, с избытком перекрывая ее. Положение изменилось только в

середине 1970-х гг., когда миграционные потоки из республик, в основном возвратные, стали превышать выезд в эти республики и миграционное сальдо России стало положительным. Начиная с 1975 г., рост населения шел уже в результате как естественного прироста, так и миграционного притока из других республик СССР. Однако тогда казалось, что все эти процессы не имели отношения к международным миграциям. Будучи достаточно закрытой страной, СССР почти не принимал в них участия, а миграции между союзными республиками рассматривались как внутренние.

Распад СССР изменил ситуацию, что сказалось и на оценке места России в системе международных миграций и привело к формированию мифа о России, как втором после США мировом центре притяжения мигрантов. Этот миф основывается на ошибочном толковании публикаций Отдела населения ООН. Не учитывается, что оценки ООН относятся к так называемому накопленному числу мигрантов (*migrant stock*), т.е. к общему числу людей, живущих не в той стране, в которой они родились. Поскольку по данным переписи населения 2002 г. в России проживало 12 млн уроженцев других государств, они и рассматриваются экспертами ООН как международные мигранты. Однако при этом специально оговаривается, что в случае бывшего Советского Союза речь идет о людях, которые были внутренними мигрантами и превратились в международных, никуда не выезжая, только в результате появления новых границ.

В основном, понимаемый таким образом, массив мигрантов сложился в советское время. По оценке ООН, в 1990 г. в России он составлял 11,5 млн чел., что соответствовало данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. По этническому составу, согласно данным переписи, этот массив более чем на 50% состоял из этнических русских, а вместе с украинцами и белорусами, в основном уже обрусевшими, – почти на 89%. В первую десятку входили также армяне, евреи, татары, чеченцы, казахи, осетины и ингуши, на всех остальных оставалось лишь 1,5%. По переписи населения 2002 г., число лиц, живущих в России, но родившихся за ее пределами, составляло 12 млн, что и дало основание для новых оценок ООН. Рост, по сравнению с 1990 г., был незначительным. И по-прежнему речь идет, в основном, о бывших гражданах СССР, родившихся за пределами РСФСР, в одной из союзных республик, хотя и относящихся к коренным этносам России. Сюда входят, например, дети целинников, родившиеся в Казахстане, дети военнослужащих, служивших в разных республиках Союза, чеченцы, ингуши и представители других репрессированных народов, родившиеся в депортации в Казахстане и Средней Азии и т.д. В то же время, в «накопленное число мигрантов» не попадают люди, родившиеся в России, но выезжавшие из нее, жившие за ее пределами (те же военнослужащие, специалисты, ехавшие по назначению и т.п.), а теперь вернувшиеся и действительно проходящие как мигранты.

На самом деле, 12 млн мигрантов, упоминающихся в обзорах ООН и основанных на них документах Всемирного Банка, которые потом цитируются российскими авторами, – не такая уж большая величина. Если сопоставлять страны по накопленному числу лиц, родившихся за рубежом, то надо сравнивать не абсолютные, а относительные числа. По абсолютному числу накопленного числа мигрантов (со сделанными выше оговорками) Россия действительно опережает все европейские страны, но если учесть численность ее населения, то ее место среди европейских стран оказывается достаточно скромным (табл. 1).

Таблица 1.

Доля лиц, родившихся за рубежом, в населении европейских стран, 2008 г.

Страна	Доля, %	Страна	Доля, %	Страна	Доля, %
Люксембург	32,2	Германия	11,6	Италия	7,3
Австрия	17,2	Греция	11,1	Мальта	6,7
Эстония	16,4	Франция	11,0	Литва	6,6

Латвия	15,6	Великобритания	11,0	Финляндия	4,0
Ирландия	14,1	Нидерланды	10,9	Чешская Республика	3,7
Швеция	13,8	Норвегия	10,2	Польша	2,7
Испания	13,8	Дания	8,8	Словакия	0,9
Словения	12,0	Россия	8,5	Румыния	0,8
Исландия	11,8	Португалия	7,4		

Источник: Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation. Eurostat, 2011. Table 1.1. P. 25.

Конечно, помимо зарегистрированных мигрантов в России имеется большое количество недокументированных («нелегальных») мигрантов, что может влиять на экономическую и социальную обстановку в стране, на ситуацию на рынке труда и т.п. Но полноценное демографическое значение имеет только та часть миграционного притока, которая не просто пребывает в России и то или иное время присутствует на рынке труда (легально или нелегально), но оседает в стране и пополняет ее постоянное население, входит в состав ее граждан.

Хотя, как отмечалось, с середины 1970-х гг. сальдо миграции в обмене с бывшими республиками СССР стало положительным, и миграционный прирост стал постоянной добавкой к естественному приросту населения России, до 1990 г. он, как правило, не превышал одной четверти общего прироста. Не удивительно, что тогда иммиграция не рассматривалась как важный источник роста российского населения. Правда, нельзя сказать, чтобы эта ее потенциальная роль совсем уж не осознавалась. Появление естественной убыли населения Российской Федерации специалисты предсказывали давно, оживленно обсуждались планы пополнения скудеющего демографического резервуара России с помощью миграции из так называемых трудоизбыточных районов. Тогда эти планы не реализовались. «Трудонедостаточные» районы – российский центр или Сибирь – не были всерьез готовы принимать пришлое население, а «трудоизбыточные» районы Средней Азии не были готовы его отдавать.

Вскоре, однако, роль миграционного компонента изменилась. Сначала просто увеличился его вклад в рост населения, а с 1992 г., когда естественный прирост населения России сменился его естественной убылью, миграция стала единственным источником пополнения численности населения страны. При этом даже увеличившиеся после распада СССР объемы чистой миграции не могли перекрыть довольно значительной естественной убыли населения.

Конечно, компенсирующую роль миграции не следует и недооценивать. Население России достигло максимальной численности (148,6 млн чел.) к началу 1993 г., к началу 2011 г. оно сократилось на 5,5 млн чел. при том, что естественная убыль населения за это время составила 13,2 млн чел. Иными словами, на 7,7 млн чел. (на 58%) эта убыль была компенсирована миграционным приростом.

В то же время важно понимать специфику миграций двух последних десятилетий, во многом неповторимую.

Прежде всего, следует отметить неравномерное распределение миграции по этапам рассматриваемого периода. Из 6,8 млн чел., составивших миграционный прирост за 1990–2010 гг., 4,9 млн (72%) приходится на период 1990–2000 гг. Начиная с 2001 г. учитываемый ежегодный миграционный прирост резко сократился.

Кроме того, миграции 1990-х гг., а в значительной мере и 2000-х, были, по преимуществу, «возвратными», в значительной степени имели характер репатриации, возвращения «соотечественников». Об этом можно, в частности, судить по их этническому составу, который учитывался до 2007 г. Среди мигрантов, переехавших в Россию в 1990-е – 2000-е гг., основную массу составляли выходцы из России или их потомки, только со второй половины 2000-х гг. положение стало заметно меняться (табл. 2).

Таблица 2.

Доля этносов Российской Федерации в миграционном приросте, %

Год	Народы и этнические группы РФ	в том числе русские	Год	Народы и этнические группы РФ	в том числе русские
1991	133,2	112,2	1998	69,8	60,8
1992	116,6	101,3	1999	67,3	57,2
1993	86,1	75,7	2000	66,8	58,2
1994	75,4	67,0	2001	89,0	76,5
1995	72,6	63,4	2002	77,8	66,8
1996	68,5	60,0	2003	83,7	67,3
1997	69,8	61,6	2004	83,2	72,9
1998	69,8	60,8	2005	62,8	56,1
1999	67,3	57,2	2006	50,2	42,8
2000	66,8	58,2	2007	36,8	30,3

Источники: Демографический ежегодник России 1996. М., 1996. Табл. 7.8; Демографический ежегодник России 2001. М., 2001. Табл. 7.9; Демографический ежегодник России 2008. М., 2008. Табл. 7.11.

Примерно в это время власти России стали проявлять озабоченность привлечением в Россию «соотечественников», т.е., по сути, сохранением репатриационного тренда, в 2006 г. была провозглашена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. Однако большого успеха эта программа не имела, по-видимому, вследствие того, что к этому времени мобильные ресурсы возвратной миграции были, в значительной степени, исчерпаны. Программой предполагалось принять за 2007–2009 гг. 200 тыс. чел., реально было принято немногим более 16 тыс.

Все это говорит о том, что прежняя, в определенном смысле, естественная для России ресурсная база, обеспечивавшая миграционный прирост, а значит, и существенную компенсацию естественной убыли населения России в первые постсоветские десятилетия, резко сузилась. Это не значит, что России негде будет взять новых мигрантов, но в дальнейшем поддерживать высокий миграционный прирост будет намного сложнее, поскольку мигрантам новых поколений, оказавшись в России, в процессе интеграции придется преодолевать гораздо большую, чем прежде, культурную дистанцию.

Сжатие «естественной» ресурсной базы ощущается уже довольно давно и проявляется в снижении объемов входящих миграционных потоков. Сейчас чистая миграция в Россию находится на довольно низком для европейской страны уровне (табл. 3), несмотря на то, что в последнее время были приняты искусственные меры по повышению статистических показателей миграции.

Таблица 3.

Чистая миграция в Россию и некоторые европейские страны в 2008 г., на 1000 жителей

Страна	На 1000 жителей	Страна	На 1000 жителей
Швейцария	12,7	Финляндия	2,9
Испания	10,0	Венгрия	2,8
Норвегия	9,4	Великобритания	2,6
Словения	9,1	Словакия	2,4
Италия	7,6	Россия	1,8
Швеция	6,0	Франция	1,2
Бельгия	5,9	Португалия	0,9
Мальта	5,9	Ирландия	0,8
Чешская Республика	5,4	Болгария	-0,1

Австрия	4,7	Эстония	-0,5
Кипр	4,5	Германия	-0,7
Исландия	3,6	Польша	-0,7
Дания	3,4	Латвия	-1,1
Нидерланды	3,2	Литва	-2,3

Источник: URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tps00177&plugin=1>

До 2007 г. в статистику миграции попадали лица, приехавшие из-за границы и впервые получившие регистрацию по месту постоянного жительства, что позволяло интерпретировать их как влившихся в постоянное население России. Начиная с 2007 г., статистическая категория «мигрантов» была расширена за счет лиц, впервые получивших разрешение на временное проживание. В результате, величина показателя чистой миграции в 2007 г. увеличилась до 258 тыс. чел. (вместо 155 тыс. в 2006 г.). Это существенно улучшило демографический баланс России, уменьшив общую убыль населения страны примерно на 100 тыс. чел. Но интерпретация временно проживающих в России иностранных граждан как части населения страны, вносящей вклад в решение ее демографических проблем, уже более спорна. В 2007–2009 гг. показатели чистой миграции держались на одном уровне – около 260 тыс. чел. в год, однако в 2010 г. резко упали – примерно, до уровня 2006 г. В 2011 г. были внесены новые изменения в правила учета миграции – как отмечалось на сайте Росстата, «в соответствии с международными рекомендациями с 2011 г. в статистический учет долгосрочной миграции населения включены также лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более». Исчисляемый таким образом миграционный прирост в 2011 г. был определен Росстатом в 320 тыс. чел. и с избытком перекрыл естественную убыль населения. Однако вопрос о том, свидетельствует ли подобная статистическая стратегия о действительном благополучии России или лишь создает успокоительные иллюзии, становится все более острым. Сейчас его острота маскируется благоприятными изменениями естественной убыли населения: она сокращается, благодаря чему может быть перекрыта относительно небольшим миграционным приростом. Но так будет не всегда. У естественного прироста населения России в настоящее время нет перспективы.

Хотя резкое сокращение естественного прироста населения произошло только в конце 1980-х гг., оно не было неожиданным. Прогнозы советского времени предсказывали появление естественной убыли населения России в начале XXI в., на деле это произошло на 10 лет раньше, в начале 1990-х гг., что может быть объяснено как влиянием социально-экономического кризиса тех лет, так и избыточным оптимизмом советских прогнозов. В любом случае, естественная убыль населения России – не случайность, она обусловлена тем режимом воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости, который сложился в России уже в 1960-е гг. Если в течение некоторого времени естественный прирост еще оставался относительно высоким, то, в основном, благодаря особенностям возрастной структуры населения, в которой был «накоплен» определенный потенциал демографического роста. По мере исчерпания этого потенциала соотношение числа рождений и смертей становилось все менее благоприятным, что и привело, в конечном счете, к появлению «русского креста» – кривые рождаемости и смертности пересеклись, число смертей превысило число рождений, естественный прирост населения сменился его естественной убылью.

Естественный прирост (убыль) населения зависит от трех факторов: рождаемости, смертности и возрастной структуры населения. Если на два первых фактора можно как-то влиять с помощью тех или иных мер политики (хотя и это – весьма не просто), то третий фактор практически не поддается воздействию. Нынешняя возрастная структура

населения России уже сложилась, в значительной степени она предопределена и на ближайшие десятилетия существенно повлиять на нее невозможно.

Так как формирование современного возрастного состава населения России в прошлом происходило под влиянием целого ряда пертурбационных факторов, российская возрастная пирамида сильно деформирована, вследствие чего динамика различных половозрастных контингентов имеет нерегулярный, волнообразный характер, «выгодные», с демографической и социально-экономической точек зрения, волны сменяются «невыгодными».

В «нулевые» годы, несмотря на продолжавшуюся убыль населения, изменения половозрастного состава проходили через «выгодную» фазу, страна получала своеобразный «демографический дивиденд», или «бонус», в этот период совпали два демографически выгодных структурных сдвига.

Первый из них был обусловлен увеличением числа рождений в 80-е гг., который объясняет рост числа женщин репродуктивных возрастов в 90-е. Число женщин в возрасте от 15 до 50 лет выросло с 36,3 млн чел. в 1992 г. до 40 млн чел. в 2002–2003 гг., после чего оно чуть-чуть сократилось, все еще оставаясь очень высоким, более высоким, чем когда-либо в прошлом. Если же взять более узкий диапазон возрастов, вносящих основной вклад в рождаемость, то число женщин в наиболее важных репродуктивных возрастах от 18 до 35 лет между 1999 и 2009 гг. выросло более чем на 2 млн, что не могло не внести своего вклада в рост числа рождений, наблюдавшийся после 1999 г. Но сейчас увеличение этой группы женщин в целом уже прекратилось и, согласно прогнозу Росстата, нас ожидает ее огромное сокращение – на 4,7 млн чел. до 2020 г. и более чем на 7 млн чел. до 2025 г. Несколько более благоприятна динамика числа женщин в возрасте 25–34 года – эта возрастная группа приобретает все большее значение в связи с происходящим сдвигом рождений в более поздние возраста. Однако и ее численность будет быстро падать, хотя пока она еще увеличивается, что немного отсрочивает падение числа рождений (рис. 1А).

Второй сдвиг был связан с тем, что, начиная с 2001 г., 60-летний рубеж переходили малочисленные поколения 1941 г. и последующих военных лет рождения, вследствие чего число людей в возрасте 60 лет и старше между 2001 и 2006 гг. сократилось на 10%. А это, в свою очередь, тормозило рост количества смертей, так как основная масса смертей всегда приходится на пожилые возраста. Но этот период закончился, и теперь

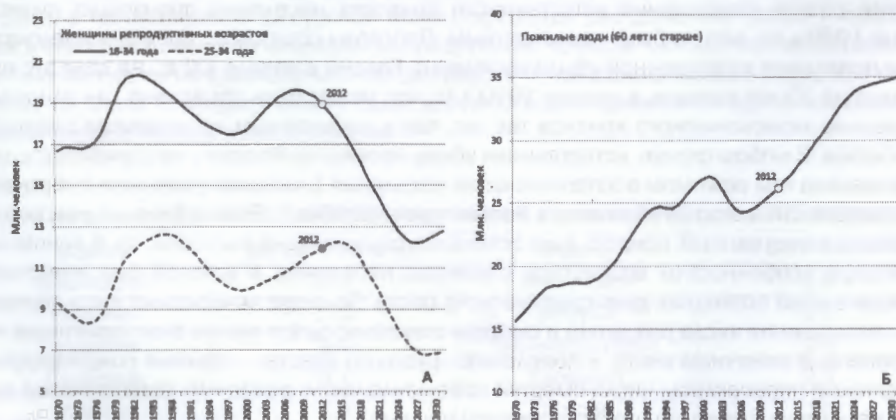

Рисунок 1.

Число женщин в возрасте 18–34 и 25–34 года и пожилых людей – фактическое и по среднему варианту прогноза Росстата, 1970–2030 гг.

Источник: Росстат. Демографический прогноз до 2030 г. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/>

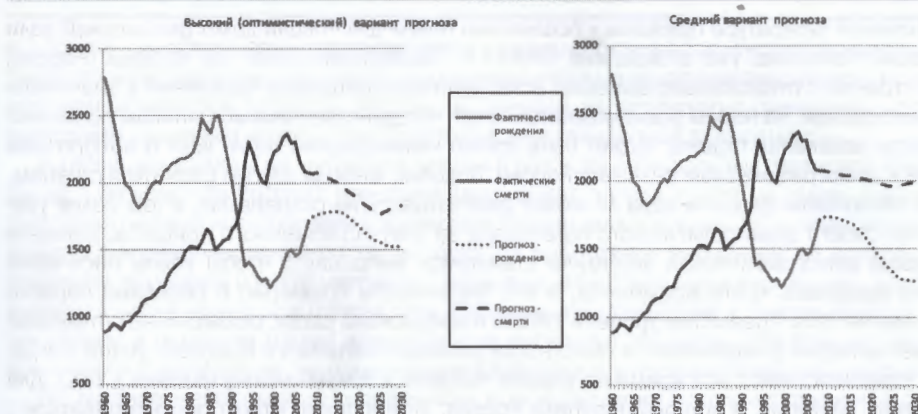

Рисунок 2.

Число родившихся и умерших в России – фактическое в 1960–2010 гг. и по высокому и среднему вариантам прогноза Росстата, тыс.

Источник: Демографический ежегодник России 2009. М., 2009. Табл. 8.5.

число пожилых людей и их доля в населении будут быстро увеличиваться и очень скоро достигнут небывалых для России значений (рис. 1Б). Соответственно, будет расти и число смертей – даже в том случае, если возрастные интенсивности смертности будут снижаться, хотя оснований для больших ожиданий пока нет. Но если такое снижение даже и произойдет, оно затронет, в основном, не самые старшие возрастные группы.

В условиях, когда число рождений сокращается, а число смертей увеличивается, сближение этих чисел невозможно. Напротив, они будут расходиться, снова увеличивая тем самым сократившийся было раствор «русского креста» (рис. 2).

Сейчас этот раствор сокращается, естественная убыль населения, главным образом, в силу структурных особенностей российской возрастной пирамиды, быстро уменьшается, и, кажется, что в России восстановится естественный прирост населения. Эту динамику часто интерпретируют как успешный результат проводимой в стране демографической политики и рассматривают его как устойчивую позитивную тенденцию, которая в скором времени приведет к возвращению от отрицательного прироста населения к нулевому, а то и положительному. На самом деле, подобное развитие событий крайне мало вероятно. Все прогнозы предсказывают, что в ближайшие годы естественная убыль населения снова начнет нарастать. Роста естественной убыли не удастся избежать даже согласно наиболее оптимистическому варианту официального прогноза Росстата, но так как самые оптимистические прогнозы оправдываются редко, то более вероятным, в лучшем случае, представляется средний вариант. Согласно этому варианту, естественная убыль населения России уже в начале следующего десятилетия превысит 500 тыс. чел. в год и будет продолжать увеличиваться.

2

Хотя все виды миграции важны, заметно влияют на экономическую и социальную обстановку в стране, на ситуацию на рынке труда и т.п., полноценное демографическое значение имеет только та часть миграционного притока, которая оседает в стране и пополняет ее постоянное население. Объемы такой миграции решающим образом зависят от политических установок в отношении общей численности населения России: допустимости ее сокращения, желательности стабилизации или роста. Подобные политические установки вырабатываются в процессе диалога власти и общества, предполагают достижение определенного общественного консенсуса. Достижение же этого консенсуса дается нелегко.

В научной литературе призывы к осознанию новой для России демографической роли миграции появились уже в середине 1990-х гг. «Завершился этап, на котором [Россия] была страной с относительно высоким естественным приростом населения и значительной эмиграцией, на новом этапе основным, если не единственным источником роста численности населения страны, может быть только иммиграция». «Речь идет о поворотном пункте в демографическом развитии России. Подобно многим другим развитым странам, она в обозримом будущем едва ли может рассчитывать на сохранение, а тем более увеличение своего демографического потенциала за счет естественного прироста, главным фактором демографической динамики становится миграция... Чтобы убыль населения России оказалась кратковременной, а его численность примерно в середине первого десятилетия XXI в. превысила уровень 1990 г. и продолжала расти, реалистично оптимистические сценарии рождаемости и смертности должны сочетаться с высокой чистой миграцией, сохраняющейся все время на уровне, близком к полумиллиону человек в год... Для того этапа развития, в который вступила Россия, этот уровень может рассматриваться... как ... весьма желательный с точки зрения ее общей демографической динамики».

Как известно, столь высокие объемы ежегодной чистой миграции не были достигнуты, соответственно к численности населения начала 1990-х гг. Россия не вернулась ни в середине, ни в конце первого десятилетия XXI в., едва ли вернется и в обозримом будущем. В этом нет ничего неожиданного. В цитированных выше докладах «Население России» были представлены не прогнозы-предсказания, а аналитические прогнозы, призванные показать возможные траектории демографического развития России при разных вариантах эволюции демографических процессов. В то же время в этих докладах постоянно подчеркивались ограниченные возможности крупномасштабных миграций в Россию. «Прием большого количества мигрантов вообще, особенно же мигрантов иноязычных, связанных с другими культурными традициями, – далеко не безболезненный процесс, а в условиях нынешнего экономического состояния и социального климата в России – не безболезненный вдвойне». Россия «не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, они связаны с положением на рынке труда, и, в особенности, с «пропускной способностью» адаптационных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации, социальной и культурной интеграции иммигрантов». «Следует избегать крайних выводов из сложившейся ситуации и ориентироваться на нереально высокие уровни притока населения извне. В ближайшее время для этого не будет ни экономических, ни политических, ни культурных предпосылок. Сейчас в качестве первоочередной задачи следует рассматривать содействие переселению в Россию русских и других русскоязычных граждан бывшего СССР, а также представителей других коренных народов России (татар, башкир и других), оказавшихся вне пределов России, но желающих в нее вернуться».

По-видимому, в сложившейся ситуации надо было бы, не форсируя прием иммигрантов и используя возможности «возвратной» миграции в первые 10–15 лет после распада СССР, принимать меры по расширению потенциала интеграции иммигрантов, с тем, чтобы сделать возможным рост объемов компенсирующей иммиграции в будущем, когда демографические и экономические соображения сделают такой рост неизбежным.

К сожалению, события развивались несколько иначе, в обществе сложились стойкие антимигрантские настроения, которые идут в разрез с объективными демографическими потребностями страны.

Новая роль миграции как важнейшего ресурса пополнения населения России была не сразу осознана даже научным сообществом. Еще в 2001 г., приведенный выше прогноз объемов миграции, необходимой для восстановления утраченной численности населения России, критиковался за то, что он «свидетельствует не столько о крупных методических просчетах, сколько о том, что его авторы, с одной стороны, не признают возможности выхода из состояния депопуляции за счет естественного движения населения,

а с другой – необоснованно переоценивают возможности и достоинства варианта демографического развития, при котором динамика населения полностью зависит от внешнего миграционного допинга». Авторы настаивали на прогнозных сценариях, которые «заведомо отвергают возможность перехода к миграционной зависимости».

Устаревшие взгляды на миграцию лежали и в основе официальных прогнозов Росстата (тогда – Госкомстата России). Как отмечалось еще в начале «нулевых» годов, «официальные демографические прогнозы Госкомстата России также исходят из сохранения весьма низкого миграционного прироста, ни один из прогнозных вариантов не предполагает перелома тенденций и роста миграции. Возможно, отсутствие таких вариантов – наиболее уязвимая черта прогнозов Госкомстата. Критическое отношение к такому подходу было высказано в одном из наших докладов еще несколько лет назад. Эта критика не была воспринята Госкомстатом, не изменившим свой подход к прогнозированию миграции».

Но главное непонимание исторически новой ситуации нашло отражение в общественно-политическом дискурсе. В обществе стали нарастать антимигрантские настроения, нередко подогреваемые заявлениями официальных лиц, завышающими число присутствующих в стране мигрантов, особенно нелегальных, дающими неверное представление об их этническом составе, запугивающими население преувеличением исходящих от мигрантов угроз.

В 2005 г. было выполнено специальное исследование преувеличения масштабов миграции населением 7 субъектов Российской Федерации. Представления населения сравнивались с данными переписи населения 2002 г. о присутствии в регионе представителей различных национальностей, ассоциирующихся с миграцией. Исследование показало, что «в среднем, респонденты были склонны преувеличивать данные Госкомстата на два порядка (в 192 раза)» – по-разному в разных регионах и в отношении разных этнических групп. В то же время повсеместно «респонденты, как сговорившись, отвечали, что через 10 лет доля этих групп вырастет примерно в 1,5–1,8 раза, причем эти мнения оказались одними и теми же, вне зависимости от региона опроса, от того, какая группа оценивалась, от восприятия того, какую долю составляла какая-либо из этих групп в населении регионов во время опроса».

Раздутые представления о масштабах иммиграции, ее этническом составе и исходящих от нее угрозах прочно укоренились в головах россиян и стали серьезным психологическим препятствием для осознания новой роли иммиграции как важнейшего демографического ресурса России. Эта ситуация отразилась в дезориентирующих выступлениях ведущих политиков страны. В качестве примера можно привести выступление в сентябре 2007 г. тогдашнего председателя Совета Федерации С. Миронова, который заявил, что «решать проблемы демографии в России за счет мигрантов – это тупиковый путь». «Мы должны решать проблемы демографии в России за счет своих ресурсов, увеличивая рождаемость граждан России и снижая смертность». По сообщению информационного агентства РБК, Миронов заявил, что если проблемы демографии и в дальнейшем будут решаться за счет приезжих из других стран, то в исторической перспективе «это будет не Россия».

Тем не менее постепенно, пусть и с некоторым опозданием, приходило все более широкое осознание демографической неизбежности использования миграционного ресурса, что находило отражение и в научной литературе, и в официальных установках, и в практике демографического прогнозирования.

Как отмечалось в одной из публикаций середины «нулевых» годов, «в любом случае естественная убыль будет вести к сокращению численности населения», но, «по крайней мере, в течение ближайшего двадцатилетия... при продуманной миграционной политике, соответствующей национальным интересам России, вся естественная убыль вполне может быть компенсирована миграционной компонентой», а «увеличение миграционного прироста сверх размеров естественной убыли» обеспечит демографический рост. «Для поддержания численности населения на уровне 143–144 млн необходимо, чтобы

в течение 2006–2025 гг. ...миграционный прирост составлял 490 тыс. чел. В этом случае миграционный прирост будет стопроцентно компенсировать естественную убыль (в эти годы его величина должна составить 9,8 млн чел.), а численность населения сохранится стабильной, что будет соответствовать стратегической цели демографического развития России».

Новая демографическая роль миграции все полнее признавалась и в официальных документах. Уже в одобренной Правительством в сентябре 2001 г. Концепции демографического развития России на период до 2015 г. в качестве первой цели этого развития в области миграции было названо «регулирование миграционных потоков в целях создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения Российской Федерации». В октябре 2007 г. Президент России утвердил новую Концепцию, где эта цель была развита и конкретизирована. Эта действующая и в настоящее время Концепция предусматривает к 2016 г. стабилизацию численности населения на уровне 142 – 143 млн чел., а к 2025 г. ее увеличение (в том числе за счет замещающей миграции) до 145 млн чел. Соответственно, предполагается обеспечить ежегодный миграционный прирост до 2016 г. на уровне не менее 200 тыс. чел., в дальнейшем – на уровне более 300 тыс. чел.

Соответственно изменилось место, отводимое миграционному приросту в практике демографического прогнозирования Росстата. В конце 1990-х гг. можно было утверждать, что в официальных демографических прогнозах для России «молчаливо подразумевается унаследованный от прошлого идеал ее миграционной «закрытости». В последнем прогнозе Госкомстата России предполагается резкое снижение нетто-миграции в Россию к 2010 г. – по одному варианту примерно в 4 раза против уровня 1996 г., по другому – почти в 10 раз. 10 лет спустя положение изменилось. В разработанном в 2009 г., с учетом Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. демографическом прогнозе Росстата, до 2030 г. среднегодовой объем чистой миграции, если снова сравнить его с уровнем 1996 г., по среднему варианту прогноза остается таким же, как в 1996 г., по низкому варианту – сокращается на 40%, по высокому – увеличивается в полтора раза.

Как нам представляется, такой подход более оправдан, чем подход экспертов ООН, которые в новейшем (2010 г.) прогнозе ООН определили объем чистой миграции для России за 2010–2030 гг. в 2,7 млн чел., т.е. на 1,8 млн меньше, чем предусмотрено в минимальном прогнозе Росстата, соответствующем наиболее оптимистическому варианту изменений рождаемости и смертности. Средний же вариант прогноза Росстата исходит из суммарной величины чистой миграции за период до 2030 г. в 7,2 млн чел. В результате, по среднему варианту прогноза ООН численность населения России в 2030 г. составит 136,4 млн чел., т.е. на 2,6 млн меньше, чем по среднему варианту прогноза Росстата.

Таким образом, в России все лучше осознается тот непреложный факт, что в обозримом будущем миграционный ресурс неизбежно будет использоваться для частичной или полной компенсации естественной убыли населения (возможно и с избытком, если ставится задача роста населения), либо как дополнение к его положительному естественному приросту. Каковы вероятные масштабы ожидаемого миграционного прироста?

3

Ответ на этот вопрос зависит от многих факторов и обстоятельств, их обсуждение едва ли возможно в рамках чисто демографического анализа, которому посвящена эта статья. Мы можем представить лишь необходимые соображения, касающиеся вероятной эволюции естественного прироста населения России, ибо именно его размеры служат исходной базой при выработке миграционной стратегии страны.

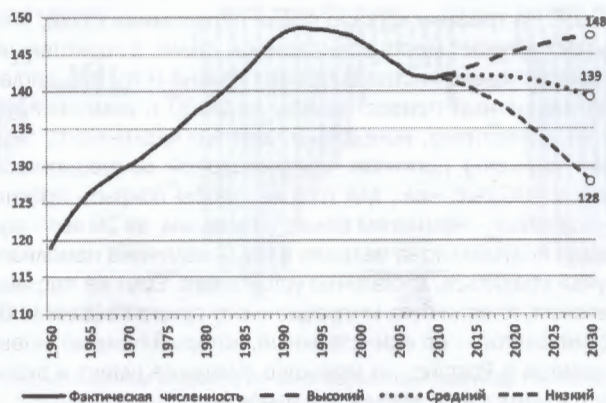

Рисунок 3.

Изменения численности населения России – фактические и по трем вариантам прогноза Росстата до 2030 г., млн чел.

Источник: Демографический ежегодник России 2009. М., 2009. Табл. 8.1, 8.2.

Если исходить из желательности, как минимум, остановить сокращение численности населения России, то необходимо на протяжении всего рассматриваемого периода поддерживать объемы миграции, компенсирующей естественную убыль. Согласно прогнозу Росстата, естественная убыль за период до 2030 г. может составить, в зависимости от динамики рождаемости и смертности, от 5 до 19,5 млн чел. Прогнозируемая же Росстатом на этот период чистая миграция составляет от 4,5 до 11 млн чел.

Таким образом, предполагается, что наряду со сценариями, обеспечивающими полную компенсацию естественной убыли миграцией, возможно даже и с избытком, вследствие чего население страны стабилизируется, а при определенных условиях и вырастет, весьма вероятны и такие сценарии, при которых такая компенсация окажется невозможной, и население России будет продолжать убывать (рис. 3).

На рис. 4 представлены компоненты роста населения России – фактические до 2010 г. и ожидаемые, согласно среднему варианту прогноза, обычно считающемуся

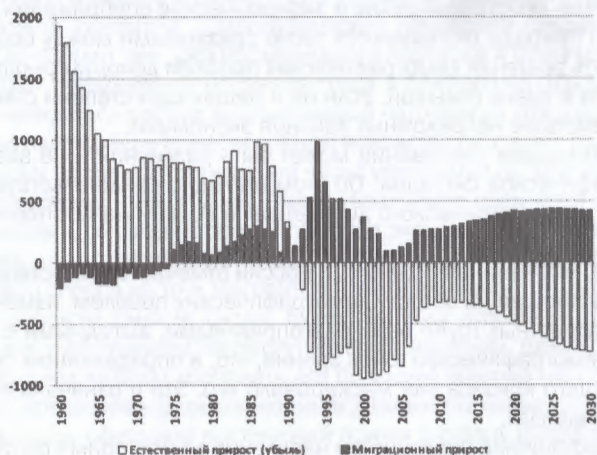

Рисунок 4.

Компоненты прироста (убыли) численности населения России – фактические в 1960–2010 гг. и по среднему варианту прогноза Росстата до 2030 г., тыс. чел.

Источники: Демографический ежегодник России. 1993: стат. сб. // Госкомстат России. М., 1994. С. 10; Демографический ежегодник России. 2010. С. 26; Социально-экономическое положение России. 2010. Январь–ноябрь. С. 292, 294; Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. (Статистический бюллетень). М., 2010.

наиболее вероятным. На графике хорошо видна переломная точка, начиная с которой, естественный прирост уступает место естественной убыли, а позитивный вклад в численность населения вносит только чистая миграция. Видно и то, что, согласно этому варианту прогноза, миграционный прирост вплоть до 2030 г. компенсирует естественную убыль населения лишь частично, вследствие чего его численность будет сокращаться. Согласно среднему варианту прогноза, среднегодовой миграционный прирост будет составлять примерно 400 тыс. чел., для того же, чтобы покрыть прогнозируемую естественную убыль населения – немногим более 10 млн чел. за 20 лет – нужен миграционный прирост порядка полумиллиона человек в год – величина приблизительная, но, как мы уже имели случай убедиться, достаточно устойчивая. Если же поставить задачу роста численности населения, то величина миграционного прироста должна быть большей.

Демографический фактор – не единственный, который придает новый смысл массовому притоку мигрантов в Россию, не меньшее значение имеет и экономический фактор, и важно понять взаимосвязь между тем и другим.

Мы видели, что значительный приток мигрантов в Россию в последние два десятилетия, внесший заметный вклад в смягчение ее демографических проблем, был обусловлен, прежде всего, процессами репатриации, резко активизировавшимися после распада СССР. Однако это, скорее, исключительная ситуация. Преобладающие в современном мире миграции – трудовые, они диктуются экономическими соображениями. Массовые потоки международной трудовой миграции – следствие разности потенциалов рынков труда отдающих и принимающих стран, демографический же эффект, при всей его важности, оказывается побочным. Без экономического механизма, как правило, невозможно привлечь достаточное количество мигрантов, даже если они нужны по демографическим соображениям.

Более того, демографические соображения – умозрительны, не сразу осознаются, далеко не всеми принимаются и сами по себе едва ли могут реализоваться в активной миграционной политике. Экономические же соображения, напротив, очень конкретны, затрагивают очень большое число экономических агентов, проявляются с большой настоятельностью и прокладывают себе дорогу даже при большом сопротивлении противников иммиграции или эмиграции.

В конечном счете, демографические и экономические соображения, вообще говоря, имеющие разную природу, оказываются тесно связанными между собой. В частности, миграционный путь решения демографических проблем депопулирующих или близких к депопуляции стран в очень большой, если не в решающей степени становится возможным благодаря действию непреложных законов экономики.

Острота экономических требований может быть различной и не всегда совпадает с остротой демографической ситуации. Об этом наглядно свидетельствует динамика уже упоминавшегося «демографического дивиденда» в России на протяжении двух последних десятилетий.

Несмотря на то, что, начиная с 1992 г., в России отмечается естественная убыль населения, ясно указывающая на остроту демографических проблем, изменения соотношений различных возрастных групп были благоприятными, выгодными с экономической, социальной или демографической точек зрения, что, в определенном смысле, смягчало остроту нарастающего кризиса или маскировало его. Это и означало получение «демографического дивиденда».

В частности, сокращение численности населения долгое время сопровождалось увеличением числа и доли лиц в трудоспособном возрасте (мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет): в 1993 г. их число не достигало 84 млн, в 2006 г. превысило 90 млн. Одновременно резко сократилось число детей до 16 лет – с 35,8 млн в 1992 г. до 22,7 млн в 2006 г. Число же лиц пенсионных возрастов почти не менялось, оставаясь на уровне 29–30 млн, и в 2006 г. было даже несколько меньшим, чем в 2002 г. В результате

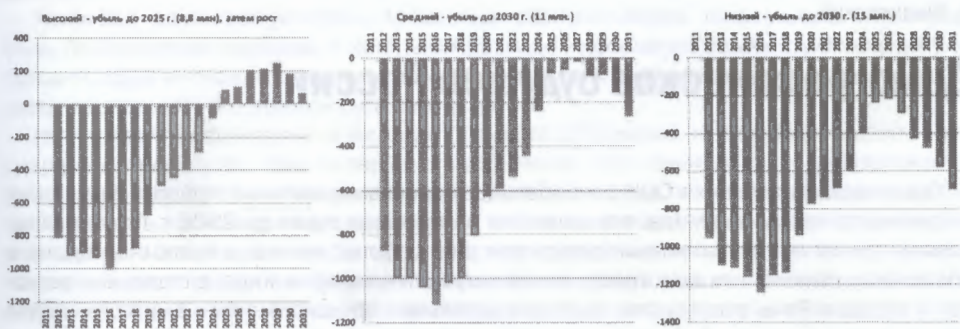

Рисунок 5.

Убыль населения в трудоспособном возрасте по трем вариантам прогноза Росстата до 2030 г., тыс. чел. Источник: Демографический ежегодник России 2009. М., 2009. Табл. 8.4.

непрерывно снижалась демографическая нагрузка на трудоспособное население. В 1993 г. она составляла 771 чел. в «иждивенческих» – до и после трудоспособного – возрастах на 1000 лиц в трудоспособном возрасте, тогда как в 2006 г. – всего 580 чел. на 1000, столь низкой она не была никогда прежде. Разумеется, это не могло не сказаться благоприятно на потребности в социальных расходах государства: в той мере, в какой она зависит от демографических соотношений, она была минимальной. Заметим, что и в этих условиях ситуация на рынке труда не была идеальной, спрос превышал предложение и в значительной мере покрывался за счет легальной и нелегальной трудовой миграции.

Начиная со второй половины минувшего десятилетия, ситуация стала меняться в худшую сторону. В 2007 г. численность населения в трудоспособном возрасте впервые за длительный период сократилась. Это сокращение быстро нарастает, причем оно будет развиваться на фоне продолжающейся естественной убыли населения России. На это указывают все имеющиеся прогнозы. Даже при самом благоприятном развитии событий численность трудоспособного населения за ближайшее десятилетие (2012–2022 гг.) сократится почти на 8 млн чел., и только с 2025 г. начнет понемногу увеличиваться. При менее благоприятной динамике демографических процессов сокращение до 2022 г. может достичь 9,6–11 млн чел., без последующего перехода к росту (рис. 5).

Сильное «сжатие» предложения на рынке труда в ближайшие 10–15 лет неизбежно, и оно будет сопровождаться ростом экономической нагрузки на каждого трудоспособного. Сейчас на каждую тысячу лиц в трудоспособном возрасте приходится порядка 570 детей и пожилых, по низкому варианту прогноза это число увеличится на 159 чел., по среднему – на 213 чел., по высокому – на 242 чел. Такое увеличение обернется огромным ростом социальных расходов и, со своей стороны, обострит экономическую ситуацию в стране.

Таким образом, демографические процессы будут подталкивать экономику к формированию растущего спроса на труд мигрантов и, в конечном счете, именно рынок труда, «экономика», в широком смысле слова, будет главным «промиграционным агентом», и противостоять его требованиям не смогут никакие политики. Демографические и экономические соображения будут требовать все большего притока мигрантов, и эта растущая потребность, соединяясь с миграционным давлением извне, со стороны бедных и перенаселенных стран, обусловит постоянный приток в страну выходцев из соседних, а, возможно, и из более отдаленных стран. Вопросы, связанные с миграцией, будут неизбежным и приобретающим все большую важность пунктом повестки дня XXI в. в России. Это будет очень серьезный вызов для России, но это и шанс, который нельзя упустить. Пока мы находимся только на дальних подступах к пониманию миграционной проблемы во всей ее полноте, не говоря уже о ее решении.